

ДИСКУССИИ

Круглый стол “Системные риски нестабильного общества: социологическая аналитика”¹

Времена пандемии лишней раз напомнили, что мы живем в мировом обществе рисков, с его изменчивыми и гибридными глобально-локальными социальными порядками. Эта метафора У. Бека указывает на системный характер рисков, присущих всем сферам жизни, которые непрерывно меняются под влиянием новых технологий, экономических новаций, политических кризисов, изменения ценностно-смысловых конфигураций, последствий действий со стороны human и non-human акторов. В конце сентября в Институте социологии НАН Украины прошел круглый стол (в виртуальном режиме), посвященный концептуальным и операциональным подходам к изучению рисков дестабилизации общественной жизни в украинском социуме. Внимание участников было сфокусировано на социоструктурных, социопсихологических, социокультурных измерениях социальных процессов, а также на важности изучения практических рекомендаций управления рисками на основе результатов социологического анализа.

ЛЮДМИЛА СКОКОВА (модератор),

доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

LYUDMYLA SKOKOVA (moderator),

Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Leading Research Fellow at the Department of Sociology of Culture and Mass Communication, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 010121)

list.lgs@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8152-7087>

ЛЮДМИЛА СКОКОВА,

доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины

¹ Круглый стол состоялся в Институте социологии НАН Украины 25 сентября 2020 года в рамках выполнения НИР № 0120U101665 “Системные риски нестабильного общества: бедность, социальная напряженность, культурная инволюция”.

Цитирование: Круглый стол “Системные риски нестабильного общества: социологическая аналитика” (2020). *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 161–189.

Нестабильность социума в координатах социологии риска и неопределенности

Риски всегда присутствовали в социальной жизни. Однако увеличение масштабов неопределенности вместе с ускорением темпов изменений во всех сферах социума в условиях глобализации и внедрения новейших технологий в повседневную жизнь, а также вследствие роста количества реальных и медиатранслируемых опасностей и угроз (техногенные катастрофы, стихийные бедствия, международный терроризм, мировые экономические кризисы, кибер-опасности, пандемии и др.), повышения осведомленности граждан об ошибочных, непопулярных, непрозрачных решениях в сферах международной, экономической, социальной, культурной политики, падения доверия к институтам, призванным осуществлять менеджмент социальных рисков и обеспечивать стабильное и безопасное существование социума, — все это актуализирует концептуальный словарь исследований риска и неопределенности в социальных науках.

Сегодня можно говорить о значительном прогрессе в институционализации предметной области исследований риска и неопределенности в социологии и междисциплинарном поле *risk studies*. Издаются международные журналы: с 1988 года “Журнал риска и неопределенности”, с 1998-го “Журнал исследований рисков”, с 1999-го “Здоровье, риск и общество”. С середины 2000-х годов действуют тематические группы по изучению риска и неопределенности в Европейской и Международной социологических ассоциациях. В 2005 году был основан международный вебсайт, посвященный тематике социологического изучения риска и неопределенности, — *Sociology of Risk and Uncertainty (SoRU)*, который аккумулирует информацию, ресурсы, способствует развитию исследовательских сетей. В последние годы издательство “Palgrave” издает серию “Критические исследования риска и неопределенности”, давая возможность представить междисциплинарные наработки социологии, антропологии, психологии, экономики и др.

В рамках социологии риска выделяются, как правило, макроподходы (концептуализации “общества риска” У. Бека, Э. Гидденса, социокультурные объяснения конструирования рисков М. Дуглас, А. Вилдавски и др.), микроподходы (конкретные кейс-стади, например, исследования принятия рисков в экстремальном спорте и биографических обстоятельств восприятия рисков). Все более популярными становятся направления мезоуровневых исследований — институциональных рисков и практик их регулирования (с учетом исследований М. Фуко о режимах власти и *governmentality studies*), особенностей накопления социальных рисков в сферах здоровья и долголетия, стиля жизни и др., а также практик их восприятия, реагирования на них, пренебрежения ими в гендерном, профессиональном, возрастном и других измерениях. Наряду с количественными методами, в том числе в рамках кросс-культурных проектов, все шире применяются качественные и комбинированные технологии сбора и анализа данных, относящихся к тематике рисков и безопасности в разных сферах жизни современных обществ.

В отечественной социологии имеется опыт изучения социальных рисков, угроз экстремальных ситуаций, последствий техногенных катастроф, уровня социально-экономической безопасности и рисков хозяйственной

деятельности, социальной психологии безопасности и т. п. Значимые результаты в плане классификации рисков, различия объективных и субъективных рисков, социально-психологических реакций на опасность достигнуты в рамках проекта “Чернобыль и социум” (руководитель доктор экономических наук Ю. Саенко, Институт социологии НАН Украины).

Отечественные ученые постоянно отслеживают динамику социальных и социокультурных процессов в украинском обществе, в том числе по проблематике изучения классовых различий, социального неравенства и бедности, социальной напряженности, политических, культурных, медийных ориентаций и практик. В то же время современное состояние украинского социума — реформирование экономической сферы, политическая волатильность, оккупация территорий и военные действия, углубление социального неравенства, падение социальных и культурных стандартов, угрозы и последствия пандемии дают основания говорить о признаках дестабилизации общественной жизни, высоких уровнях конфликтности и институциональных рисков. Усложняется доступ разных групп к социальным ресурсам, что порождает риски различного рода “размежеваний”, “расколов”, “делений” социальных групп. Анализ социоструктурных, социопсихологических, социокультурных процессов в оптике социологии риска и неопределенности помогает основательнее оценивать параметры и характеристики “нестабильного общества” как повседневной реальности сосуществования разных социальных групп украинского социума.

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии культуры и массовой коммуникации НАН Украины, Киев

Онтология риска

Можно выделить два подхода к анализу феномена риска. Первый подход связан с понятием решения. Риск — это то, что связано с принятием решения, в зависимости от того, какого рода это решение — связано ли оно с повседневной деятельностью отдельного индивида, и тогда мы имеем дело с индивидуальными последствиями решения, касающимися его индивидуальной судьбы, или же оно связано с политическим действием, и тогда последствия такого решения могут иметь более универсальное значение (например, решение начать войну с соседним государством касается уже не индивидуальной судьбы, а судьбы целого народа).

Риск в контексте решения исследует Н. Луман, исходя из различия между риском и опасностью. Он полагает, что это различие можно выяснить лишь через процесс атрибуции: соотнесения явления с тем или иным субъектом. В зависимости от такого соотнесения нечто предстает или в качестве риска, или в качестве опасности. Понятие атрибуции помогает провести различие между тем, кто рискует, и тем, кто страдает от опасности.

Однако такому пониманию риска противостоит понимание риска как онтологической категории. В таком случае риск рассматривается не как особая характеристика индивидуального действия, не субъективно, а как определенная социальная реальность, определенный тип общества.

Основная заслуга в формулировании концепции общества риска принадлежит немецкому социологу У. Беку. Что значит определить общество в качестве общества риска? Мы знаем различные типы определения общества: буржуазное, феодальное, информационное, индустриальное, постиндустриальное, общество модерна и др. Предполагается, что эти определения типа общества должны опираться на его главные характеристики. Они могут касаться структуры влияния и власти, форм политического принуждения и политической активности, форм экономической деятельности, восприятия действительности и норм познания, стилей жизни и форм любви и др. Определяя общество как общество риска, мы вынуждены предположить, что риск является универсальной категорией и охватывает все сферы социальной жизни.

Он проникает в самую повседневную жизнь. Мы пользуемся приборами, устройства которых мы не знаем и которые остаются для нас непостижимыми. Мы не знаем, как устроен транзисторный приемник, мини-калькулятор, видеооборудование, портативный компьютер. Ассимиляция непостижимых вещей жизненным миром и превращение их в знакомые составляют одно из условий общества риска. Например, в масс-медиа часто обсуждается отрицательное воздействие на здоровье человека мобильных телефонов.

Анализ общества риска тесно связан с изменением наших представлений о границах. Понятие границы имеет фундаментальное значение в нашей культуре, с ним связано любое обозначение, определение, действие, оно “производит в мире разрез”, благодаря которому приходит в мир различие. Оно лежит в основе всех культурных оппозиций: живое–мертвое, человеческое–животное, естественное–сверхъестественное, город–деревня и т.п. Согласно У. Беку, общество риска подвергает эрозии основное различие внутреннего и внешнего, опасного и безопасного. Основным образом, ставшим стимулом для формулирования концепции общества риска, послужил образ Чернобыльской катастрофы. Как следствие проникающей радиации, возникшей в результате взрыва, перестали существовать заграждения, лагерь, городские кварталы, военные блоки, реальные или символические границы, которые могли бы спасти от радиоактивного заражения. Граница как способ отделения опасного от безопасного перестала существовать.

Следует заметить, что образ Чернобыльской катастрофы как символ общества риска, на наш взгляд, не совсем корректен. По определению риск появляется в результате определенного решения. Основная масса населения чернобыльской зоны имела дело скорее с опасностью, а не с риском, поскольку ситуация, в которой оказались люди, не была результатом их целенаправленной деятельности.

Преодоление границ в результате проникающей радиации имеет аналог в тех политических процессах, которые повсеместно происходят в обществе риска. В обществе риска подвергается сомнению историческая связь суверенитета и территории, лежащая в основе *принципа пространственно обоснованного понятия власти*. В связи с глобальными процессами предполагаемая связь государства, общества, индивида и территории и основанная на ней система порядка начали рассыпаться. Глобальные процессы подразумевают такое состояние общества, для которого территориально-государственные гарантии порядка теряют свою обязательность.

Если государство модерна пыталось объединить в единый пучок социальную, политическую и экономическую активность своих граждан, то современные процессы, связанные с глобализацией, приводят к эрозии государственных структур. Эта эрозия проявляется в деятельности различных транснациональных институтов, которые не признают границ и подобно радиоактивному заражению подвергают сомнению наличие территориального принципа национального государства и его способность обеспечить благосостояние своих граждан. Тем самым создаются ситуации риска, которые не могут быть разрешены в рамках отдельного государства.

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО,

доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины, Киев

“Цифровые” риски социальных коммуникаций

Ульрих Бек, чье имя, пожалуй, более, чем какое-либо другое, связано с тематизацией рисков в социологии, не раз приводил своеобразную их периодизацию, где, в общих словах, в традиционных обществах риск распенивался как опасность, предопределенная судьбой, тогда как “простые современные” общества основывали свое представление о риске на принципе *Knightian* страхования, понимая риск как измеримую неопределенность, в терминах известного экономиста Чикагского университета Франка Найта, — как неопределенность, которую можно просчитать и аналитически предвосхитить, а “простую модернизировать” понимая как “миссию по колонизации будущего” (Э. Гидденс). Однако такая миссия не сработала, потому что в “рефлексивной современности”, “обществе риска”, где мы нынче пребываем, в пределах ли глобальной или национальной географии, риск более не подлежит страхованию, трансформируясь в повсеместную неуверенность и радикальную неопределенность (С. Лэш). Можно сказать, что в своей семантической истории концепт “риска” двигался от изъятия фатума, через детерминированность изыскиваемыми причинами и исчислимость потерь и приобретений к неопределенности последствий. Тем не менее в сегодняшней ситуации всеобщей вирусной пандемии и сопутствующих экономических и политических резонансов мы, как никогда прежде, определенно обнаруживаем и переживаем все три дестабилизирующих смысла “риска”, которые пересекаются, интерферируют, продуцируя сомнения в объяснительной силе классических и неоклассических эпистем, дефицит убедительных знаний — и, конечно же, возрастающее беспокойство, а возможно, экзистенциальный “страх и трепет” (С. Кьеркегор). Разумеется, не все, по меньшей мере, не те, кто, опираясь на те же смыслы “риска”, улавливает в них воодушевляющие инсайты уж если не “ожидаемой полезности”, то неожиданной возможности, телесных и ментальных приключений. На фоне дисфункциональности формальных институтов, отвечающих за контроль и минимизацию рисков, которая (дисфункциональность) лишь усиливается из-за напряженности между нормативными горизонтами и институциональной реализацией социальных реформ, изменением политики, как подчеркивает Бек; тревожность же, напротив, институционализируется, с тем чтобы рассеять неопре-

деленность, как хорошо видно, скажем, на примере экологических организаций и движений.

Как бы мы сегодня ни определяли современные общества, склоняясь к глобальной или локальной акцентуации, — в терминах ли “рефлексивной современности” (У. Бек) или “аффективного капитализма” (Д. Парикка) как аппарата для захвата аффективных миров (Ж. Делез, Ф. Гваттари) с целью управления ими и создания стоимости, или же состояния “*emergency*” (С. Жижек), одновременно продуцирующего множественные топологии и темпоральности, конституируя аффективные атмосферы неотложности и ожидания размеренных ритмов общего и частного существования, — значительными для понимания современных метаморфоз социальных и культурных порядков являются “цифровые риски”, как называет их Бек в одном из интервью. Последние молниеносно множатся, не только опосредуя через интернет и сети все сферы коллективной и индивидуальной жизни, но и производя “пересборку социального” (Б. Латур), а также культурного, как, впрочем, и политического и экономического. Не в последнюю очередь за счет утверждения алгоритмической культуры платформ, основанной на связности сосуществующих human и non-human операторов, которая, помимо притязаний на эгалитарность и демократизм, будучи сгенерированной миллионами людей благодаря crowdsourcing, концентрирует неопределенность людских интенций и решений (институциональных и индивидуальных), — но также и математическую неисчислимость алгоритмов, обеспеченных функционированием сложных саморефлексивных, аутопойетических компьютерных систем, способных к автономной коррекции и размножению своих программ. Разумеется, взаимная обзоримость крупных алгоритмических платформ, фондовых бирж или трейдерских структур, обладающих властью обрабатывать большие объемы данных мгновенно и предоставлять персональные рекомендации, учитывая интересы компаний, в состоянии трансформировать машинную неопределенность в вероятность, позволяя “предсказывать настоящее”. Но выстраивать защиту от завтрашних рисков становится все проблематичнее, особенно в связи с беспрецедентной успешностью разного рода кибер-вмешательств. Для повседневности большинство цифровых рисков остаются невидимыми и охотнее идентифицируются аудиториями не столько как “вызовы”, требующие обдуманного и достойного ответа, сколько как текущие опасения и неприятности, которых стоит избегать.

Проблемы кибер-безопасности, актуализированные во всем мире, осознаются и украинскими пользователями, больше озабоченными теми проявлениями, которые могут нанести вред им лично. По данным мониторинга “Украинское общество” Института социологии НАН Украины, в 2019 году более трех четвертей респондентов считали, что настоятельно требуют предотвращения интернет-мошенничества, распространения заведомо ложной информации, свободный доступ к информации, разжигающей вражду и агрессию. Но только две трети были озабочены возможностью манипулировать общественным мнением, вторгаться в избирательные кампании президента, парламента, цензуры интернета со стороны правительств или корпораций, хотя для молодой и образванной публики зона риска кибер-угроз значительно расширяется. Осмысление цифровых рисков требует как дискурсивных, так и non-дискурсивных подходов, которые соотносили бы между собой антропоцентрическую парадигму и технологическую феноменологию.

ГУЛЬБАРШИН ЧЕПУРКО,

доктор социологических наук, заведующая отделом социальной экспертизы Института социологии НАН Украины, Киев

Социальные риски в нестабильном обществе

Понятие нестабильности имеет широкое научное и философское содержание. Сегодня большинство ученых разных профилей считают нестабильность в смысле неустойчивости фундаментальной характеристикой всего мироздания. В реальной социальной жизни практически не бывает абсолютной стабильности. В любом обществе всегда имеют место нарушения равновесия внутри социальных систем и между ними, проявления реальной или потенциальной нестабильности. Под нестабильностью понимают такие изменения структуры, функций или любых процессов социальных систем, которые деформируют эти системы и угрожают их целостности. Нестабильность может проявляться и на уровне отдельных социальных систем (нестабильность экономики, государственной власти), их взаимодействия, наконец, на уровне всего общества. Вполне очевидно, что и стабильность, и нестабильность социальной системы — это две крайних точки шкалы возможных ее состояний, которые зависят от разных условий и факторов.

Современное состояние украинского общества можно охарактеризовать как нестабильное, о чем свидетельствуют такие явления, как экономический кризис, политический кризис, несовершенство функционирования институтов власти общества, социально-экономическая напряженность, приводящая к углублению социально-политических и этнических конфликтов в обществе. Социальный кризис, вызванный коронавирусом, усилил нестабильное состояние украинского общества.

Неустойчивость и непредсказуемость социальных изменений, обусловленные характером динамических процессов в современном обществе, приводят к стремительному воспроизводству рисков, формированию “общества всеобщего риска”. Общество риска У. Бека — это общество, генерирующее риски. Ученый доказывает, что риск может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, порождаемыми процессом модернизации как таковым. Исходя из того, что продуцирование рисков осуществляется во всех сферах жизнедеятельности общества (экономической, политической, социальной), Бек отмечает невозможность дистанцирования от рисков в современном мире и поднимает проблему минимизации рисков и даже управления ими¹. Э. Гидденс также считал, что современное общество модернизации рискогенное, то есть вырабатывает риски. В его концепции риск является результатом модернизации и связан с влиянием глобализации.

Рискогенность и социальная неопределенность — это характерные особенности современного развития украинского общества. Рискогенность изменчивой социальной реальности становится потенциальным источником возникновения новых разновидностей социальных рисков. Социальные рис-

¹ Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. Москва: Прогресс-Традиция.

ки обуславливают определенные объективные социально-экономические условия, в основном не зависящие от воли и желаний отдельных людей (например, безработица, преступность, терроризм, демографические взрывы и провалы, эпидемии и т. п.). Возникновение и существование социальных рисков происходят не в чрезвычайных (экстремальных), а в обычных (нормальных) условиях развития общества. Социальные риски являются закономерным (а не случайным) проявлением нормального функционирования общества, более того, основные причины их развития связаны с базовыми общественными отношениями, повседневными общественными порядками.

“Обобщенный” подход к понятию “социальный риск” указывает, “прежде всего, на сферу, в которой формируется и, возможно, осуществляется неблагоприятное для людей событие. Конечно, неблагоприятные события имеют как естественное, так и общественное происхождение, возникая в результате сочетания определенных физических, химических, биологических, социально-экономических и политико-культурных факторов. Исторически в социологии при использовании этого понятия на первый план выступают следствия антропогенного влияния на природу и опасности, порождаемые во всех сферах жизни общества в контексте конкретной культуры”¹. Существует и “узкая” трактовка социальных рисков как характеристики социальных групп людей, находящихся в сложной жизненной ситуации и вследствие обстоятельств, своего социального положения и образа жизни склонных к негативным влияниям. С социальной точки зрения, под сложной ситуацией следует понимать ситуацию, которая объективно нарушает жизнедеятельность человека, которую он не может преодолеть самостоятельно и потому нуждается в социальной помощи. Чаще всего сложные жизненные ситуации стимулируют образование девиантных форм поведения как способов реагирования на такое изменение условий.

Ныне все более распространенными становятся новые виды социальных рисков — риски глобализации. Процесс глобализации, сопровождающийся техническим прогрессом, повышением производительности труда и потребительского спроса, демонстрирует и определенные негативные аспекты, проявляющиеся в том, что усиливается неравенство в сфере распределения доходов, снижается спрос на работников низкой квалификации, ухудшается положение неквалифицированных работников на рынке занятости, возрастает безработица среди этой категории занятых.

Современному украинскому обществу присуще наличие ряда наиболее распространенных типов социальных рисков, проявляющихся в высокой степени поляризации населения, безработице, нестабильной социально-демографической ситуации, маргинализации, вынужденных миграциях, преступности; низком уровне жизни населения и др. Все эти риски ощутимо влияют на социальное положение граждан.

Подводя итог, можно утверждать, что социальные риски — это такие процессы или явления общественной жизни, которые провоцируют опасность социальной дестабилизации общества. Также социальными рисками являются ситуации, имеющие негативные социальные последствия для ста-

¹ Кравченко, С.А. (2004). *Социология риска: полипарадигмальный подход* (с. 15). Москва: Анкил.

туса человека и образующиеся вследствие ухудшения уровня и качества его общественного бытия. Важно отметить, что специфика социальных рисков обусловлена их тесной связью с другими типами рисков и они могут быть соотнесены с различными сферами общественной жизнедеятельности. Однако высокая сложность прогнозирования и моделирования социальных рисков объясняет и трудности в плане их профилактики и преодоления.

ТАТЬЯНА ПЕТРУШИНА,

доктор социологических наук, заведующая отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Социологические аспекты проблемы бедности и нестабильности в современном обществе

Социологи хорошо понимают, что нарушение любой из определяющих основ или подсистем общества приводит к его нестабильности, степень которой зависит от характера и силы этих нарушений. Нестабильность общества как сложнейшего системного социального образования создает ряд рисков и ведет к появлению разнообразных негативных последствий. Последние же, в свою очередь, усиливают нестабильность общества и расшатывают его устои, что в случае превышения пороговых значений их ключевых параметров может привести даже к распаду общества.

Нестабильность сегодня представляет едва ли не самый общий признак и наиболее угрожающую тенденцию развития любых социальных явлений и процессов. Рефлексией на эту нестабильность стало возникновение и широкое использование понятий нестабильного времени, нестабильного мира, нестабильной занятости/работы, нестабильной жизни и т. п. Понятно, что в основе нестабильности лежат ошибочные действия людей, создающих соответствующие социальные структуры и институты.

Украина стала классическим примером нестабильного общества, продуцирующего многочисленные системные угрозы, многие из которых уже стали хроническими негативными атрибутами жизни украинских граждан. Новыми признаками трансформированного на неолиберальных основах общества в нашей стране стали деиндустриализация и примитивизированная экономика, деградированная сфера занятости, массовая депривация и обнищание населения, разрушение социальной сферы и системы социальной защиты, отчуждение народа от власти и либерализация политической жизни, укоренение и засилье олигархата, всеобъемлющей коррупции и преступности, социальная и культурная дезинтеграция общества, монетизация общественного сознания, депопуляция страны и т. п. Официально декларируемые цели развития страны — построение сильного, правового, демократического государства, с мощной социальной ориентированной экономикой, способной обеспечить достойную жизнь всем ее гражданам, абсолютно не соответствуют реалиям жизни. Известный отечественный социолог В. Тарасенко, исследуя социальную идентификацию трансформированного украинского общества, еще в начале 2000-х годов определил его как бедное, резко поляризованное и атомизированное, хронически кризисное общество, в котором свобода, народовластие, обеспечение даже конституционно про-

писанных прав граждан является иллюзорным, а украинский народ остается крайне униженным, ограбленным и обманутым¹. В конце тридцатилетия своей независимости Украина, по оценкам МВФ, была признана самой бедной страной в Европе².

Вопросы бедности и обусловленных ею проблем (недоедание, социальная изоляция, социальное неравенство, преступность, деградация окружающей среды, ухудшение состояния здоровья и т.п.) ни в Украине, ни в других постсоветских странах в свое время не были предметом активного исследования, поскольку не представляли проблемной ситуации в жизни обществ социалистической эпохи в отличие от капиталистических стран. Работы по этим вопросам стали появляться в конце XX – начале XXI века.

Бедность имеет сложную и многоплановую природу, что требует анализировать этот феномен целостно и системно, во взаимосвязи с закономерностями развития общества. Многоаспектность бедности и разнообразие ее оценок обусловили использование объемистого тезауруса: таких понятий, как абсолютная и относительная бедность, крайняя бедность, социальная, гуманитарная, монетарная и немонетарная бедность, депривационная и субъективная бедность и т. п. Анализ динамики бедности, а тем более сравнение ее уровня между различными странами требуют четкой терминологической и методологической однозначности. Ведь оценка ситуации с бедностью по различным критериям ее определения может быть довольно разной.

Так же системно и комплексно нужно подходить к анализу многочисленных факторов возникновения бедности, без чего невозможно конструктивно осмысливать и определять действенные пути борьбы с ней. Только в энциклопедии мировой бедности отмечено 25 различных причин бедности³, каждая из которых может быть предметом самостоятельного исследования. Многочисленные факторы бедности целесообразно сгруппировать в определенные категории: ситуационные, социально-демографические, социально-экономические, социально-политические, идеологические, социокультурные, институциональные. Понятно, что при всей важности каждого фактора, суммарное влияние которых значительно усиливает кумулятивный результат, для решения проблемы бедности необходимо четко понимать главную причину существования и воспроизводства этого феномена. Речь идет о самой сути существующего социально-экономического устройства общества – нелиберального капитализма. Не случайно, несмотря на то, что борьба с бедностью признана целью №1 Декларации тысячелетия и устойчивого развития мира в 2030 году, несмотря на существование многих программ международных и национальных организаций по борьбе с бедностью, она остается одной из самых острых социально-экономических и морально-этических проблем человечества.

¹ Тарасенко В.І., Іваненко О.О. (2004). *Проблема соціальної ідентифікації українського суспільства (соціотехнологічна парадигма)* (с. 174–176, 183, 190, 543). Київ: Інститут соціології НАН України.

² Компаниец В. (2018). *Украина стала самой бедной страной в Европе*. Получено с: <https://112.ua/mnenie/ukraina-stala-samoy-bednoy-stranoy-evropy-465730.html>

³ Odekon, M. (Ed.) (2006). *Encyclopedia of world poverty*. Thousand Oaks, California: SAGE Publication.

МАКСИМ ПАРАЩЕВИН,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Религиозный фактор системных рисков в украинском обществе

Риски и опасности являются неотъемлемой составляющей функционирования любых человеческих сообществ и производной от такого функционирования. Все эти риски различаются по своему разрушительному потенциалу. Они могут быть достаточно локальными, касающимися жизнедеятельности отдельных людей или небольших сообществ (риски микроуровня), а могут касаться большей части или и всего общества в целом (риски мезо- или макроуровня). И социологов должны интересовать почти исключительно риски мезо- и макроуровня, причем в первую очередь те риски макроуровня, которые угрожают самому существованию определенной социальной системы — системные риски. То есть необходимо анализировать собственно системные риски и те риски мезоуровня, которые влияют на риски системного уровня, являются составляющими последних.

С системными рисками соприкасаются не все общества, а преимущественно те, которые находятся в кризисном состоянии (кризисном в смысле невозможности или существенной усложненности разрешения актуальных противоречий существующими способами), тогда как стабильные системы соприкасаются с рисками, имеющими локальный в физическом или социальном пространстве характер. Причем состояние кризиса может характеризовать и деградирующие общества, и развивающиеся общества. Ведь и развитие, и деградация связаны с изменениями в формах и способах взаимодействия между разными социальными субъектами, что обычно вызывает как минимум напряженность в этих взаимодействиях, а то и открытый конфликт.

В частности, социальное развитие обычно связано с возрастанием сложности общественной системы. В механике известно, что чем проще система, тем она надежнее. Примерно то же можно сказать об обществе, ведь оно тем сложнее, чем больше в нем групп с разными интересами и представлениями о желаемом, чем больше между ними взаимодействий и конфликтов. К тому же в этом случае институты, созданные для предыдущего уровня сложности, утрачивают свою способность адекватно реагировать на возникающие проблемы, а новые институты, призванные разрешать новые противоречия, еще не сформированы или слабы. Соответственно, возрастают разнообразные риски, в том числе и системного уровня, ведь усложнение социальной системы может привести не только к улучшению действующей системы, но и к ее “перегреву” и гибели и в конечном счете возникновению новой системы или систем. Однако системные риски в случае развития менее вероятны, чем в случае деградации. Деградация системы связана с кризисом действующих институтов, привычных способов социальных взаимодействий, потерей определенных социальными группами своего общественного положения, нехваткой ресурсов, что усиливает разнообразные риски, причем значительная часть их уже будут связаны с угрозой самому существованию системы.

Можно спорить о том, в каком из состояний — развития или деградации — ныне находится украинское общество, но однозначно имеет место повышенная угроза именно из-за системных рисков. Увеличение весомости последних связано со спецификой нынешнего политического и экономического положения в нашей стране. Ведь угрозы самому существованию общественной системы могут иметь два главных источника — во-первых, негативные процессы внутри самой системы и угрозы со стороны окружающей среды (то есть других общественных систем). Система может иметь благоприятную внешнюю среду, но подвергнуться распаду вследствие внутренних проблем, и наоборот, может быть достаточно стойкой внутри, но оказаться уничтоженной агрессивной внешней средой. Либо может иметь место сочетание этих двух составляющих, что, в частности, наблюдается в случае Украины. Здесь к неспособности сформировать устойчивую социальную систему, которая обеспечивала бы благосостояние и защиту населения, добавилась внешняя (российская) агрессия и угроза ее расширения. В частности, к системным рискам, стоящим перед Украиной, можно отнести: возобновление и расширение масштабов военных действий на Востоке и Юге Украины, мировой экономический кризис, который может углубить собственное украинский экономический кризис, масштабы социального неравенства и бедности, отсутствие государственно-управленческой системы, адекватной современным вызовам, приход к власти антиреформистских и капитулянтских сил, недостаточную сформированность политической нации, негативные демографические процессы, размывание рационалистического мировоззрения и способности системно мыслить.

Учитывая сегодняшние мировые реалии, в которых религия является заметным фактором (иногда и одним из основных), влияющим на распад государств, и принимая во внимание давний конфликт между двумя Церквями, доминирующими в организационном религиозном поле (причем одна из них тесно связана с Русской Православной Церковью, активно используемой как инструмент нынешней имперской политики России), в контексте определения составляющих общественных рисков религиозная проблематика обязательно приходит на ум. Однако можно утверждать, что собственно общественно-религиозные и межрелигиозные отношения в Украине не несут в себе системной угрозы, хотя могут переплетаться с другими, прежде всего общественно-политическими, системными угрозами. Поэтому мы должны тщательно исследовать место религии среди прочих факторов, усиливающих системные угрозы, и определять желаемые направления религиозной политики государства.

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Социальная напряженность и риски кризисного социального менеджмента

Тему социальных рисков можно рассматривать в разных аспектах, но, на наш взгляд, в ситуации социального кризиса и нестабильности проблема

рисков *социального менеджмента* приобретает особую актуальность. Где его так называемые узкие места? Какими социологическими инструментами должен быть обеспечен этот менеджмент?

Парадигмальную рамку, на основе которой мы намереваемся посмотреть на эту проблему, мы обозначили как “*парадигма сложности*”. В рамках этого подхода большинство устоявшихся социологических дефиниций приобретают новое смысловое наполнение. Этот парадигмальный ракурс придает особое звучание и такому понятию, как *социальный риск*, причем больше всего в плоскости социального менеджмента.

Указанные особенности происходят от принципиально иного видения хода социальных процессов, обусловленного такими парадигмальными предпосылками. Принципиальная нелинейность социальных систем заставляет всегда иметь в виду наличие двух составляющих в этих процессах — *организационной и самоорганизационной*. Принципиальное отличие организационного и самоорганизационного механизмов социальных изменений заключается в том, что первый реально подлежит планированию, управлению, прогнозированию и поэтапным разработке и контролю. Второй же является проявлением самоактивности нелинейной системы, проходит через спонтанные социальные события, не поддается планированию и приводит к трудно прогнозируемым, вариативным последствиям. *И именно невнимание к процессам самоорганизации составляет основной риск такого менеджмента*. Эти риски почти не ощутимы в стабильных, равновесных общественных состояниях, но оказываются судьбоносными в состояниях кризиса и нестабильности.

За последние годы мы наблюдали в мире много событий подобного самоорганизационного порядка — от того, что называли “арабская весна”, до украинских майданов, коронавирусных протестов во многих странах и, наконец, массовых протестов в Беларуси. Это фазовый переход, возникающий внезапно, и менеджмент, как правило, не бывает к такому готов, поскольку опирается на неадекватные этому линейные модели социальной реальности, не учитывающие ее способности к самоорганизации. Именно отсутствие в менеджерском воображении такого видения социальных процессов и составляет основание тех рисков, на которых мы хотим акцентировать внимание. В случае появления спонтанных самоорганизационных проявлений мы должны говорить о выходе социальной системы на *точку бифуркации*, пик кризисных системных нагрузок. И здесь только в нелинейных моделях кризисный менеджмент может найти теоретическую опору и основания для регулятивных решений.

Ключевой вопрос, который здесь может возникнуть, — какой, в соответствии с этими моделями, должна быть менеджерская стратегия, чтобы: а) по мере возможности избегать выхода на указанные точки социального кризиса; б) если избежать не удалось, то какими способами уменьшить риски системных потерь.

Ответы здесь принципиально разные. В первом случае инструментом мониторинга приближения кризисных моментов должно стать отслеживание такого важного показателя, как *уровень социальной напряженности*. Обычно о напряженности говорят тогда, когда уже имеются ее видимые проявления — начало протестов, проявления недовольства. Но в этом как раз и заключается основная ошибка. Такого рода напряженность, приводящая к спонтанным взрывам, присутствует долгое время латентно, не отра-

жается или слабо отражается на актуальных социальных событиях, локализуется в неосознанных или полусознанных эмоциях и чувствах.

Как же следует адекватно понимать социальную напряженность, чтобы выходить на прагматичное использование данного явления в менеджерских кризисных практиках? В общих системных моделях это называется системной энтропией, мерой системной хаотизированности. Именно ее предельные показатели приводят к точке бифуркации, фазовым переключениям системного порядка, в нашем случае — социального порядка. Из этого следует — нужное нам *понимание социальной напряженности должно коррелировать с пониманием системного хаоса*. А хаос — это разрушение связей, разрушение равновесия, предыдущих устоявшихся согласованностей.

Какие же именно согласованности и связи разрушаются в обществе, что приводит к нарастанию социальной напряженности? Здесь мы должны смотреть в самый корень социальности, в те *повседневные практики*, благодаря которым каждый член общества вписывается в это общество и через которые мы получаем общество как системное явление. (Вспомним, что система — это не совокупность элементов, а совокупность связей между ними.) Поэтому речь должна идти о тех повседневных практиках связей-взаимодействий, которые возникают между людьми как членами общества, между людьми и всем множеством вещей (не-людей по определению Б. Латура), а также между людьми и символической реальностью, существующими нарративами, символами, тоже вплетенными в социальную ткань. Постепенное разрушение этих связей, появление разрывов в таким образом определенной социальной ткани долгое время незаметны, однако, достигнув критического уровня, приводят к бифуркационному взрыву.

Опираясь на такое видение хода общественных событий, мы можем сказать — *отслеживание уровня социальной напряженности может помочь менеджеру в уменьшении риска выхода на общественный кризис*, но именно в том понимании, которое мы предложили.

Что касается менеджмента уже существующего бифуркационного кризиса, то здесь рекомендация может быть лишь одна — не увеличивать и без того предельную напряженность. Прежнего порядка таким образом уже не вернуть. В эти моменты открывается несколько выходов на новую конфигурацию социального порядка. И все, что может сделать социальный менеджер, это попытаться увидеть эти варианты и отыскать наиболее благоприятный путь к выходу. Но здесь возникает множество вопросов — в частности, в чьих интересах наиболее благоприятный? Ведь предыдущий общественный строй, который был определенным равновесием интересов, в точке бифуркации оказывается разрушенным, причем на уровне повседневности, являющемся самым важным для устойчивости порядка. Новый порядок должен снять уровень напряженности — это главная цель социальной самоорганизации, но самоорганизация не отвечает за то, в чьих интересах это произойдет. Именно поэтому зачастую постбифуркационный порядок оказывается для многих хуже, чем докризисный. Но предотвратить это могло бы лишь одно — удержание уровня социальной напряженности в безопасном диапазоне и, если уж смена предыдущего порядка, то постепенная, в том диапазоне напряженности, который способствует изменениям, а не разрушениям.

АНАТОЛИЙ РУЧКА,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины, Киев

Способы распознавания социальных проблем и рисков

В рамках темы мы применяем разные теоретико-методологические подходы для исследования таких социальных состояний, как бедность, социальная напряженность, культурные инволюции. Нас интересует то, какие угрозы, риски, беды эти проблемные состояния создают для стабильного функционирования украинского общества. Нужно подчеркнуть, что явления, ситуации, практики становятся социальными проблемами и рисками тогда, когда люди распознают их как таковые, осознают их как проблемные образы действительности, требующие поведенческой реакции или применения средств по устранению или смягчению их проблемности, негативных последствий.

В современном обществе существуют разные способы распознавания и оценки социальных проблем и рисков. Остановимся *на четырех* таких способах, которые выделяются в научной литературе. Первый способ распространен среди социологов: это *обращение к общественному мнению социума*. Проблемой становится то, что через публичное мнение распознается собственно как социальная проблема, угроза нормальной жизнедеятельности. Однако нужно учитывать, что в современном гетерогенном обществе существует множество различных ценностных систем. Поэтому те или иные социальные группы склонны распознавать социальные беды, исходя прежде всего из своих ценностей и интересов. Это не отрицает того, что в мнении граждан определенной страны может проявляться консенсус в отношении *меры проблемности* определенных явлений, ситуаций, практик, их негативного влияния на повседневную жизнь, рисков и опасностей, которые они несут.

Второй способ предполагает *обращение к мнению людей, занимающих ответственные управленческие позиции* (например, представителей органов власти). Предпосылкой данного способа служит тезис о том, что именно эти люди наиболее компетентны в делах страны в целом, отдельных ее регионов и локальных территорий. Но и здесь есть определенные трудности. Прежде всего, это возможность манипулирования образами определенных явлений, ситуаций и практик. Рост уровня бедности или преступности общественное мнение может расценивать как результат ошибочной социальной политики. Это опасно для бюрократов высокого ранга, ведь они могут быть смещены со своих управленческих позиций. Следовательно, реализация обращения к мнению тех, кто занимает ответственные управленческие позиции в обществе, требует от социолога повышенного контроля их оценок и высказываний.

Третий способ распознавания социальных проблем связан с *обращением к мнению экспертов*, в роли которых могут выступать и сами социологи. Однако это не означает, что в результате будет получен согласованный (адекватный) образ проблемной действительности. Дело в том, что среди социологов имеются приверженцы разных концепций современного общества.

Если рассматривать общество как социальную систему, то на первый план будут выходить проблемы и риски неэффективного функционирования социальных институтов. Представители конфликтной концепции общества укажут на проявления социального неравенства, риски социальной дискриминации и т. п. Сторонники социального конструктивизма будут анализировать, в частности, медийные технологии привлечения внимания к тем или иным событиям и явлениям. Как известно, масс-медиа расширяют возможности манипулирования общественным мнением, в частности создания “псевдопроблем” и “псевдорисков”. То есть при интерпретации полученной информации исследователь должен учитывать приверженность экспертов-социологов к той или иной концепции современного общества.

Четвертый способ — *обращение к существующим в этом обществе социальным движениям и инициативам*, возникающим преимущественно как спонтанные реакции людей на разнообразные проблемы и риски в общественной жизни. Таким образом социологи фиксируют то, что уже обозначилось в ментальности определенных групп и сред как социальные риски. Это касается, например, социальных движений и инициатив за сохранение экологической среды, против коррупции, дискриминации, войны и т. п. Заслуживают таких движений и инициатив являются не только их практические действия, но и внедрение в ментальность общества тех или иных событий и явлений как проблемных, требующих специального внимания и регулирования. В то же время не следует забывать, что существует возможность искусственного создания определенных движений и инициатив для манипуляции общественным мнением, для реализации индивидами или группами собственных частных интересов.

Итак, можем сделать следующий общий вывод: каждый из рассмотренных способов имеет специфический исследовательский потенциал, который может быть креативно реализован в социологических исследованиях. Вместе с тем каждый из них имеет потенциальные недостатки, которые будут своего рода ловушками для исследователя. Для эффективного использования этих способов нужно умело *комбинировать* их в социологических исследованиях. Именно такая интегральная исследовательская технология, по моему мнению, может обеспечить построение более или менее адекватного образа актуальной конфигурации социальных проблем и рисков, а значит, и поиск путей умелого управления ими, разработки стратегий социальной политики, технологий риск-менеджмента и т. п.

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА,

доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Субъективная оценка социальной напряженности в условиях локдауна: опыт эмпирического исследования

Теоретически локдаун, продолжавшийся в стране почти три месяца, должен был оказать значительное влияние, привести к росту социальной напряженности, поскольку сутью его как раз и было сплошное нарушение

повседневных практик. В то же время наши предыдущие исследования¹ показали, что на субъективном уровне социальная напряженность приобретает признаки фоновости, становится элементом повседневности, сопровождающим радикальные общественные преобразования в кризисном социуме. Соответственно, оценка общественной ситуации как напряженной в координатах “спокойная — напряженная — критическая” довольно долго производится в массовом сознании как господствующая. Было также выявлено, что признаком фоновой напряженности является специфическое сочетание системной напряженности, проявляющейся в постоянной дестабилизации социальной ситуации в разных сферах, и субъективной напряженности, рутинизирующей это состояние общественного кризиса посредством определения его как “беспорядка”, “хаоса” и т. п. Однако локдаун представлял собой абсолютно новый дестабилизирующий фактор, который мог существенно повлиять на всеобщее переживание состояния напряженности. Чтобы выяснить, что же произошло в действительности, обратимся к анализу материалов ряда фокус-групповых дискуссий, проведенных в период выхода страны из карантина².

В начале обсуждения участники по просьбе модератора давали спонтанную характеристику ситуации в стране. Анализ полученных ответов сразу же позволил подтвердить, что ключевым признаком ситуации остается характеристика ее нестабильности. Самыми распространенными характеристиками ситуации оказались следующие: “неопределенность”, “неизвестность”, “неясность”, “непонятность”, “хаос”, “бардак” и т. п.

Дополнительно в отдельном блоке дискуссии каждого участника просили оценить ситуацию в стране как спокойную или напряженную. Подавляющее большинство (80 из 112 участников ФГИ) оценили ситуацию как напряженную. В ходе обсуждения подтвердилось, что несмотря на нестандартность жизненной ситуации во время карантина, она была вписана в общий контекст “фоновой напряженности”. Как указал один из участников обсуждения, люди привыкли даже к войне, “и у кого там не служат родственники, тот даже забывает, что она есть. Приспособились за 6–7 лет. Так и к этому COVID, обещают нам, что мы привыкнем и будем как рыба в воде”.

Не изменилось и эмоциональное сопровождение ситуации социальной напряженности, которую фиксировали наши предыдущие исследования. Наиболее распространенными эмоциональными реакциями респондентов на происходящее в стране были тревога и разочарование. Страхи, связанные с эпидемией, в обсуждении транслировала только часть женской аудито-

¹ См.: Злобіна, О.Г. (ред.) (2019). *Соціальна напруженість у кризовому соціумі: соціально-психологічний аналіз* [О.Г. Злобіна, М.О. Шульга, Л.Д. Бевзенко та ін.]. Київ : Ін-т соціології НАН України.

² Материалы для использования в научных целях были предоставлены социологическим агентством Umbrella. Сотрудники агентства в период с 31 мая по 14 июня провели 14 фокус-групповых дискуссий в 6 областных центрах, которые представляли Западный, Восточный, Южный и Центральный регионы, а также в Киеве. В каждой группе участвовали по 8 респондентов (по 4 мужчины и женщины) средней и старшей возрастной группы (от 40 до 65 лет). Респондентов равномерно распределяли по типу занятости в группы самозанятых (ФЛП), работающих по найму, работников бюджетной сферы и неработающих (безработные, пенсионеры, домохозяйки и т. п.).

рии. Вместе с тем анализ материалов дискуссий показал, что оценка социальной напряженности в обществе не является прямым отражением индивидуальной жизненной ситуации. Хотя депривацию, сопровождающуюся ощущением незащищенности, чаще всего упоминали как источник напряженности на индивидуальном уровне, а респонденты, которые не почувствовали ухудшения собственной жизни за последний год, в основном также оценивали ситуацию в стране как напряженную. Главным фактором напряженности при этом признавали не депривацию, а неуверенность в завтрашнем дне. Таким образом, можно констатировать, что ситуация карантина не сопровождалась существенными изменениями субъективной оценки социальной напряженности в массовом сознании, несмотря на определенное усиление ощущения депривированности и незащищенности вследствие локдауна и эпидемии.

НАТАЛИЯ БОЙКО,

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Реформы электронного управления государством и риски потери доверия к власти

Сегодня страна активно движется в направлении всесторонней диджитализации общества и внедрения информационно-коммуникационных технологий в различные области общественного бытия. Украинское государство вводит инструменты электронного управления и выстраивает систему электронного взаимодействия власти с обществом, вовлекая элементы *e-правительства* и *e-демократии* в общественный оборот. Ради эффективной реализации программы развития *e-управления* в стране создан целый ряд законодательных и исполнительных структур. В октябре 2014 года было создано Государственное агентство по вопросам электронного управления Украины. Позже Постановлением Кабинета Министров Украины № 856 от 18.09.2019 года оно было преобразовано в Министерство цифровой трансформации Украины, которое возглавил М. Федоров, самый молодой за всю историю существования независимой Украины министр.

По международной оценке ООН Украина входит в группу мировых стран с высоким индексом развития электронного управления EGDІ: в 2020 году страна заняла 69-е место среди 193 стран мира (в 2018-м была на 82-м месте). В 2020 году произошел заметный рост показателей Индекса онлайн-сервисов OSI (0,68 против 0,57 в 2018-м), а также Индекса телекоммуникационной инфраструктуры ТІ (0,59 против 0,44 в 2018-м). Такой результат демонстрирует увеличение количества доступных онлайн-сервисов и расширение интернет-доступа в стране. По данным 2020 года Украина существенно повысила и потенциал внедрения элементов *e-демократии* и вошла в группу стран с очень высоким уровнем по Индексу электронного участия EPI, заняв 46-е место среди 193 стран мира (в 2018 году — 75-е место).

Можно констатировать довольно динамичную активность государства по внедрению инструментария *e-управления*, элементов *e-правительства* и *e-демократии* в Украине. По состоянию на середину 2020 года в режиме

онлайн было доступно около 120 электронных услуг. Внедряется система открытых данных (Open Data). Сегодня Украина является одним из мировых лидеров по открытости данных. На начало 2020 года Единый государственный веб-портал открытых данных содержал уже свыше 30 тысяч таких наборов. Вводятся также элементы *e*-демократии, призванные способствовать расширению возможностей участия граждан в процессе принятия решений, оптимизировать диалог “государство (власть) — гражданин”. Это *e*-консультации, *e*-петиции, *e*-обращения, бюджеты участия (общественные бюджеты), которые внедряются сегодня в Украине на общегосударственном и на местном уровнях.

По результатам проведенного 2019 года Институтом социологии НАН Украины мониторинга, в котором с 2017-го фиксируются особенности реализации онлайн-взаимодействия граждан с властью, видим позитивную динамику внедрения элементов *e*-управления. Показатели по отдельным позициям увеличились почти вдвое в течение последних двух лет.

Нужно подчеркнуть, что особенностью большинства программ, реализующихся в стране в рамках внедрения элементов *e*-демократии и *e*-правительства, является концентрация их преимущественно (а то и сугубо) на статистических, количественных признаках и показателях этих процессов (сколько данных открыто, сколько услуг внедрено и т. п.). Такая ситуация отображена и в “Концепции развития электронной демократии в Украине” от 2017 года, где ключевым индикатором успешности ее реализации определена динамика показателя электронного участия согласно международным оценкам.

Однако риски такой политики, ориентированной на стремительное количественное увеличение *e*-инструментария без тщательной проработки качественных составляющих этого процесса и обеспечения надежных механизмов его реализации — законодательных, управленческих, технических, финансовых, кадровых, социальных, культурных и т. п. — могут стать причиной обесценивания возможностей онлайн-взаимодействия граждан с властью и утраты доверия общества к ее действенности и результативности. И как следствие, учитывая интерес общественности к электронным инструментам взаимодействия с властью, — снижение доверия к властным структурам в целом как ненадежному партнеру в диалоге “государство (власть) — гражданин”.

Фиксируются некоторые особенности реализации онлайн-диалога граждан и властных структур, которые могут свидетельствовать о формальном подходе последних к онлайн-взаимодействию. По данным госслужбы статистики Украины, в 2019 году было обнародовано 10 350 *e*-петиций к различным государственным органам. Но количество *e*-петиций, которые набрали необходимое количество голосов в их поддержку, составляло 1551, а количество *e*-петиций, поддержанных решениями органов, которым были адресованы эти петиции, насчитывает всего 934. Общее количество обнародованных *e*-консультаций (11 399) намного превышает количество обнародованных отчетов по результатам *e*-консультаций (6603). Гораздо более негативным это соотношение является на местном уровне (органов местного самоуправления): 5736 против 1844.

Сегодня значительная часть пользователей сети демонстрируют готовность к реализации взаимодействия “государство (власть) — гражданин” в онлайн-формате. Поэтому важно не утратить доверие общества к установлению онлайн-диалога и оправдать надежды граждан на расширение демо-

кратических механизмов взаимодействия с властью в современном украинском обществе. Продуманное и взвешенное использование широких возможностей информационно-коммуникационных технологий позволит привлечь к активному диалогу “государство (власть) — гражданин” все большее количество граждан страны, независимо от их статусных, образовательных, поселенческих, материальных позиций, способствуя действенной демократизации современного украинского общества.

ВИТАЛИНА БУТКАЛЮК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Неравенство в сфере труда как фактор усиления нестабильности общества

Проблемы углубления социально-экономического неравенства сегодня в центре социологического дискурса. Внимание обществоведов связано с тем, что социальное неравенство является одним из главных факторов усиления социальной напряженности и конфликтности общества. Тесная связь в общественном сознании проблемы неравенства и социальной справедливости делает неравенство ключевой причиной усиления неудовлетворенности населения существующим положением вещей, что, в конечном счете, может привести к социальным катаклизмам и потрясениям.

Усиление неравенства обусловлено самой сущностью капиталистических отношений. Специалисты МОТ отмечают, что социальное неравенство начинается с рынка труда и именно в этой сфере дисбалансы общественного развития проявляются наиболее явно. Главным фактором, определяющим тенденции неравенства в условиях неолиберализма, стала нисходящая динамика распределения заработной платы и оплачиваемой занятости. Сегодня увеличение заработной платы отстает от роста производительности труда, а доля работников в распределении национального дохода сокращается.

К примеру, в Евросоюзе и еще 11 странах ОЭСР доля труда в ВВП сократилась с 64% в 1991 году до 58% в 2013-м. Исследования показывают также сильную неравномерность в распределении собственно трудовых доходов. По данным МОТ, 49% мирового объема заработной платы приходится на долю работников, составляющую всего 10%, тогда как низкооплачиваемым 50% работников достается всего 6%. Следующая дециль получает 20% общемирового объема зарплат, а на остальные 80% работников суммарно приходится только 31%¹.

В Украине проблемы социально-экономического неравенства, в частности неравенства в сфере труда, стоят очень остро. В результате почти трех десятилетий структурных преобразований экономики по неолиберальным лекалам в мировой хозяйственной системе Украина оказалась на периферии, фактически утратив свой мощный научно-технический и промышлен-

¹ The Global Labor Income Share and Distribution (2019). International Labour Office. Отримано з: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_712232.pdf

ный потенциал. Разрушение промышленности привело к изменению социальной структуры занятости населения, потере миллионов высокооплачиваемых рабочих мест, росту безработицы и общему падению уровня жизни наемных работников.

Специфика социально-экономической дифференциации населения в результате радикальных рыночных реформ в постсоветской Украине связана с формированием и дальнейшим закреплением в стране так называемой модели 2-ярусного типа: где абсолютное большинство населения проживает в условиях бедности и малообеспеченности, а мизерную долю составляют богатые и сверхбогатые. Отсутствие весомой доли населения со средним благосостоянием делает общество чувствительным к экономическим и политическим колебаниям и кризисам и становится базовым фактором его рискогенности и нестабильности.

Сегодня уровень заработных плат топ-чиновников и госуправленцев в Украине превышает таковые даже в наиболее развитых странах мира, что особенно цинично выглядит на фоне массового обеднения населения. Для примера: зарплата главы НАК “Нафтогаз Украины” (без учета премий) превышает среднемесячный уровень по стране в 136 раз. А зарплата руководителей “Укроборонпрома” и “Укрзалізниці” — в 70 и 45 раз соответственно¹.

Не удивительно, что наблюдающееся в Украине неравенство доходов считают несправедливым 89%, распределение богатства — 87%, а систему формирования заработной платы наемных работников — 83% граждан страны (по данным мониторинга Института социологии НАНУ 2019 года).

Опросы показывают, что именно в сфере труда (в процессе труда, при оплате труда, при найме на работу) украинцы чаще всего сталкиваются с несправедливым, по их мнению, отношением к себе. Длительная малообеспеченность и отсутствие позитивных изменений способствовали закреплению в общественном сознании низких норм “справедливого неравенства” (когда более высокие доходы человека являются результатом его таланта, упорного труда и высокой квалификации). Так, большинство респондентов (61%) среди предложенных вариантов данной нормы выбрали те, что не превышают соотношения 1:7. Среди них 37% выбрали наименьшую “норму неравенства” (в 1–3 раза). Доля сторонников такого уравнительного подхода к формированию заработной платы оказалась наибольшей среди молодежи 18–29 лет².

Довольно низкий уровень “справедливого неравенства” свидетельствует о постепенном обесценении в общественном сознании украинцев (особенно молодежи) значимости добросовестного труда, собственных усилий и талантов в процессе достижения успеха и более высоких доходов, а также закреплении представления о том, что высокие доходы могут быть получены лишь нечестным путем.

¹ Мазярчук, В.М. (2019). *Аналіз оплати праці державних службовців у контексті реформування системи державного управління: збірка досліджень*. Київ. Получено с: <https://feao.org.ua/wp-content/uploads/2019/02/feabook.pdf>

² *Всеукраинское роллинговое исследование “Рубикон”* (2020). Получено с: <http://rb.com.ua/blog/rubikon/>

Углубление неравенства в сфере труда является глобальным трендом эпохи постфордизма. Эта проблема несет в себе серьезные вызовы, поскольку приводит к снижению мотивации людей к труду, способствует росту неудовлетворенности наемных работников своей трудовой жизнью и жизнью в целом, уменьшает социальную мобильность и, как следствие, блокирует общественное развитие. Социологические исследования свидетельствуют, что в обществе сегодня существует большой запрос на социальную справедливость и уменьшение неравенства. Игнорирование его со стороны власти будет лишь усиливать восприятие общества как несправедливого и нести в себе угрозы его стабильности.

НАТАЛИЯ ТОЛСТЫХ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины, Киев

Социальное самочувствие работающих бедных в современной Украине

Работа остается основным источником существования для большинства населения Украины. Но ее оплата сегодня ставит значительную часть работников и их семьи на грань выживания из-за низкого размера и нередко несвоевременной выплаты. Невысокая оплата труда обусловлена длительным экономическим кризисом в Украине, сокращением промышленного производства, незавершенным структурным реформированием экономики в соответствии с современными требованиями и сокращением государственного вмешательства в экономику и социальную сферу.

Согласно международным стандартам, каждое государство должно установить такой размер минимальной заработной платы, который обеспечивает достойный уровень жизни работающих и неработающих членов их семей. Оплату труда в Украине регулирует кодекс законов о труде и Закон “Об оплате труда”. Ежегодно в Бюджетном кодексе государство устанавливает размер минимальной заработной платы¹.

По данным мониторинга “Украинское общество”, проведенного Институтом социологии НАН Украины в 2019 году, проанализируем особенности социального самочувствия работников, чья заработная плата не превышала минимальную. Из массива респондентов была отобрана часть респондентов (1177 человек), которые работали на момент опроса.

Заработную плату меньше законодательно установленного минимального размера (4123 грн на момент проведения опроса) получал каждый пятый (22,4%) работник-респондент. Чаще всего (43,4%) респонденты указывали размер своей заработной платы в пределах от одного до двух минимальных. Заработную плату в пределах двух-трех минимальных получали 12,5% работников и только 9,4% от всех занятых указали размер заработной платы, в три раза превышавший законодательно установленный минимальный. Не указали размер своей заработной платы 6,7% респондентов. Сравнительно меньшей доля респондентов с минимальной оплатой труда

¹ Минимальная зарплата в Украине (см.: <https://index.minfin.com.ua/labour/salary/min/>).

оказалась среди занятых малым бизнесом или индивидуальным предпринимательством (10,8%) и специалистов технического профиля со средним или специальным средним или высшим образованием (12,6%), заметно больше — среди разнорабочих и подсобных рабочих (31,7%).

Работники с заработной платой меньше минимальной чаще отмечали неудовлетворенность своей работой (45,4%), чем удовлетворенность (32,6%). Среди респондентов с более высокой заработной платой, наоборот, было больше тех, кого работа в целом устраивала (48,3%), нежели тех, кто был ею не удовлетворен (30,2%).

Аналогично среди наименее оплачиваемых респондентов доля удовлетворенных своей жизнью (34,1%) отставала от доли неудовлетворенных (42,4%). Сравнительно высокооплачиваемых, с заработной платой выше минимальной, собственная жизнь, напротив, чаще устраивала (49,1%), чем не устраивала (26,2%). И наконец, своим положением в обществе был удовлетворен каждый третий (32,6%) низкооплачиваемый работник, а неудовлетворенных здесь оказалось 41,7%. Среди респондентов с более высокой, чем минимальная, заработной платой опять-таки наблюдалась противоположная ситуация: удовлетворенные своим положением в обществе работники (41,5%) численно преобладали над неудовлетворенными (31,2%).

Однако распределение респондентов по оценкам уверенности в собственном будущем выявило преобладание доли неуверенных над уверенными как среди низкооплачиваемых, так и среди сравнительно высокооплачиваемых респондентов. Работники в целом чаще были не уверены в своем будущем (44,3%), чем уверены в нем (28,2%). Среди низкооплачиваемых работников доля неуверенных в своем будущем составляла 55,3%, а уверенных в нем — 20,1%. Аналогичные показатели для более высокооплачиваемых респондентов составляли 40,8% и 30,8% соответственно.

Законодательное повышение минимальной заработной платы до 4723 грн с начала 2020 года и до 5000 грн с сентября хоть и является важным и необходимым, но далеко не достаточным. По данным опроса, среднее значение прожиточного минимума, достаточного, по мнению респондентов, для выживания человека, составляло на тот момент 8735 грн. Минимальная заработная плата на уровне 5000 грн в качестве прожиточного минимума на одного человека (заметим, что она должна обеспечивать выживание и нетрудоспособных членов его семьи) удовлетворила бы всего треть (30,7%) респондентов.

Введение из-за COVID-19 карантина негативно повлияло на благосостояние значительной части населения, в частности работающих. В особенно сложных условиях оказались семьи потерявших работу. Выход из такой ситуации и преодоление длительного экономического кризиса в целом невозможны без формирования новой государственной стратегии социально-экономического развития страны, которая должна базироваться на высоких трудовых и социальных стандартах и предполагать доступ всех граждан к действенной системе государственного социального обеспечения.

ИРИНА ДЕМЧЕНКО,

кандидат экономических наук, директор ООО “Аналитический центр “Социоконсалтинг””, Киев

НАТАЛИЯ БУЛЫГА,

кандидат социологических наук, руководитель отдела мониторинга и оценки социальных проектов ОО “Аналитический центр “Социоконсалтинг””, Киев

Социальные нормы и аттитюды как фактор гендерно-обусловленного насилия: опыт эмпирического исследования

Гендерно-обусловленное насилие (ГОН) является одним из самых распространенных нарушений прав человека во всех странах. ГОН направлено на людей из-за их пола и охватывает как действия, причиняющие физический, психический или сексуальный вред или страдания, так и угрозы их совершения, принуждение и прочие ограничения¹. Понятия ГОН и насилия по отношению к женщинам часто используются как взаимозаменяемые, поскольку доказано, что большинство случаев ГОН совершают мужчины по отношению к женщинам и девушкам². Насилие негативно влияет на общее благополучие женщин и мешает им полноценно участвовать в жизни общества. Оно приводит к огромным издержкам, связанным с увеличением затрат на здравоохранение и юридические услуги, а также к потерям производительности труда. Специальные исследования доказывают, что цена ГОН может достигать 2% ВВП на глобальном уровне³. Особенно актуализировалась проблема ГОН в условиях глобальной пандемии и локдауна. По данным национальной “горячей линии” ОО “Ла Страда-Україна”, количество обращений по вопросам насилия за период карантина увеличилось примерно на треть⁴.

Искоренение гендерно-обусловленного насилия требует комплексных, скоординированных и системных усилий во всех сферах, включая законодательную поддержку, предоставление услуг, повышение осведомленности населения и трансформацию общественного мнения и поведения. Понимание особенностей общественного восприятия гендерного неравенства и насилия по отношению к женщинам является ключевым фактором для определения их глубинных причин, а отсюда — разработки более эффективных мер для борьбы с ними.

¹ United Nations General Assembly Declaration on the Elimination of Violence Against Women, Arts. 1&2, A/RES/48/104, 20 Dec 1993 (cf.: <https://www.un.org/documents/ga/res/48/a48r104.htm>).

² European Union Agency for Fundamental Rights, “Violence against women: an EU-wide survey – Results at glance”, 2014 (cf.: <https://eige.europa.eu/gender-based-violence/what-is-gender-based-violence>).

³ UN Women, “The Economic Costs of Violence Against Women”, Remarks by UN Assistant Secretary General and Deputy Executive Director of UN Women, Lakshmi Puri at the high-level discussion on the “Economic Cost of Violence against Women”, 21 September 2016 (cf.: <http://www.unwomen.org/en/news/stories/2016/9/speech-by-lakshmi-puri-on-economic-costs-of-violence-against-women>).

⁴ По материалам Радио Свобода (cf.: <https://www.radiosvoboda.org/a/news-domashnie-nasylstvo-la-strada/30581355.html>).

По результатам нашего исследования¹ весьма распространенными в общественном мнении остаются толерантность к насилию в партнерских отношениях, виктимизация пострадавших, отсутствие установок на поиск специализированной помощи и защиту прав пострадавших.

В частности 17% опрошенных мужчин и 6% женщин считают, что супружеская измена может оправдать избивание женщины ее мужем. Возможность применения физической силы женщиной к собственному мужу воспринимается еще более толерантно: 20% мужчин и 32% женщин считают, что женщина имеет право ударить мужа, если он оскорбляет или бьет ребенка; 19% мужчин и 20% женщин — если женщина узнает о его измене.

Гораздо более толерантно относятся опрошенные граждане к возможности психологического насилия среди супругов. В частности 52% опрошенных мужчин и 31% женщин согласились с утверждением, что мужчина может кричать на собственную жену, унижать ее, включая использование нецензурной лексики, если он узнал о ее измене; 29% мужчин и 13% женщин считают, что даже подозрение в супружеской измене является достаточным основанием для подобных действий. Около половины респондентов согласились, что жена имеет право кричать на своего мужа, если он обижает ребенка (54%), если она узнала о его измене (46%) или если он злоупотребляет алкоголем (42%).

Общественное мнение все еще в значительной мере отождествляет домашнее насилие с частными проблемами каждой отдельной семьи. Так, 24% женщин и 30% мужчин согласились, что пострадавшая от насилия женщина должна обращаться за помощью к своим родственникам, а не в полицию. 14% женщин и 26% мужчин убеждены, что посторонние люди не должны вмешиваться, если становятся свидетелями плохого обращения мужей с собственными женами.

Отношение общественности к проблеме насилия формирует тот социальный климат, в котором имеет место ГОН и проявляются его последствия. Очевидно, что толерантность к насилию в партнерских отношениях и поиск оправдывающих его причин снижают действенность любых превентивных программ и ограничительных мер в отношении обидчиков. Соответственно, возрастает роль адвокационных усилий, направленных на изменение стереотипных представлений, поскольку лишь при таком условии политика по противодействию насилию будет эффективной.

ЮРИЙ САПЕЛКИН,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной экспертизы Института социологии НАН Украины, Киев

Двойное отношение украинцев к своему здоровью и медицине

Отношение украинцев к своему здоровью и к украинской медицине крайне неоднозначно и даже противоречиво. С одной стороны, в ходе иссле-

¹ Базовый опрос касательно общественного восприятия и отношения к гендерно-обусловленному насилию по отношению к женщинам в Донецкой, Луганской и Запорожской областях, проведен АЦ “Социоконсалтинг” по заказу Структуры ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин в 2018–2019 годах. Выборка репрезентативна для взрослого населения указанных областей, $N = 3000$.

дования “Украинское общество: мониторинг социальных изменений”¹, которое с 1992 года проводит Институт социологии НАН Украины, респонденты, отвечая на вопрос: “Чего из приведенного Вам не хватает?”, отмечали, что им недостает “здоровья” (максимально, 57%, в 1998 году и минимально, 37%, в 2019 году). Из двадцати возможных вариантов в большей мере соответствовал ответ “не хватает” в отношении: “подходящей работы”, “современных экономических знаний”, “юридической помощи для защиты своих прав и интересов”, “возможности полноценно проводить отпуск”, “возможности иметь дополнительный заработок”, “полноценного досуга” и “возможности питаться в соответствии с собственными вкусами”.

На значимость здоровья указывают также ответы на вопрос: “Что из перечисленного ниже является, с Вашей точки зрения, наиболее важным для достижения человеком высокого социального положения в нашей стране?” в опросе 2019 года. Из двадцати вариантов 34% респондентов выбрали “хорошее здоровье”, что соответствует третьему месту после вариантов “влиятельные родственники” (42%) и “высокий интеллект, способности” (36%).

Следует также отметить, что, по мнению респондентов, им недостает “необходимой медпомощи” (максимально, для 63%, в 2002 году и минимально, для 46%, в 2013 году). Можно сказать, что около половины респондентов систематически и постоянно, по их мнению, нуждаются в необходимой медпомощи.

На этот вывод указывают также другие данные мониторинга. В ответ на вопрос: “Сколько раз за последние 12 месяцев у Вас были простудные заболевания?” в 2018 году только 23% ответивших указали: “ни разу”, тогда как 32% указали “один раз”, 38% — “два–три раза”, 8% — “четыре и более раз”. На другой вопрос “Имеете ли Вы хронические заболевания?” в 2018 году 63% ответили “не имею”, 24% — “одно”, 13% — “несколько”. Почти 40% респондентов были вынуждены более или менее постоянно обращаться к врачу. Конкретнее на вопрос: “Отметьте, пожалуйста, в каких из приведенных ниже ситуаций Вам пришлось хотя бы раз оказаться в течение последних 12 месяцев?” в том же 2018 году 9% респондентов ответили: “Перенесли тяжелую болезнь, операцию”, еще 12% заявили: “Пережили тяжелую болезнь или смерть близких”.

В рамках этого же пункта опроса в 2018 году зафиксированы ответы, указывающие на необходимость помощи этим респондентам со стороны психолога или психиатра. В частности, 1,3% ответили, что “находились в состоянии, близком к самоубийству”; еще 22,7% заявили, что “утратили социальный оптимизм, надежду на то, что положение в стране улучшится”, а 10,8% — что “утратили веру в свои силы настолько, что буквально ничего не хотелось делать”.

На необходимость такого рода медпомощи указывают и ответы на вопрос: “Оцените, как часто каждое из этих состояний было характерно для Вас в последнее время?” применительно к “угнетенному настроению, “хандре””. Только 21% респондентов ответили, что “никогда”, 52% — что “изредка”, 23% — что “периодически”, а 4% — что “почти постоянно”. Такого рода ситуа-

¹ *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін* (2017). Вип. 4 (18). Київ: Інститут соціології НАН України; *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін* (2019). Вип. 6 (20). Київ: Інститут соціології НАН України.

цию выявляют и ответы на этот же вопрос применительно к “чувству напряженности или возбужденности”. Всего 20% ответили — “никогда”, 53% — “изредка”, 23% — “периодически” и 4% — “почти постоянно”. Важно учитывать и ответы на указанный выше вопрос применительно к состоянию “нервозности, когда Вы остаетесь одни”. “Никогда” ответили 47%, “изредка” — 36%, “периодически” — 15% и “почти постоянно” — 3%.

Интересными представляются также ответы на вопрос: “Как Вы считаете, чего люди сейчас опасаются больше всего?” В частности, в 2019 году 23% респондентов выбрали ответ “заражения опасными для жизни инфекциями (туберкулез, СПИД и т. п.)”. В 2017 и 2018 годах эта доля тоже составляла 23%, тогда как в 2004-м таких было 43%, а потом это число постоянно колебалось, снизившись в 2014-м до 17%, после чего вновь начался рост до 23% в 2017 году.

Эти колебания могут свидетельствовать о “странном”, “легкомысленном” и “двойственном” отношении респондентов как к своему здоровью, так и к медицинскому обслуживанию: с одной стороны, они ценят свое здоровье, “обеспокоены” им, а с другой стороны, относятся к нему “безразлично”.

На такое (осознанное или неосознанное) понимание украинскими гражданами своего здоровья как риска указывают и ответы на еще один вопрос мониторинга. Так, на вопрос: “Состоите ли Вы на медицинском учете?” в 2018 году 81% респондентов ответили: “Нет, не состою”. Только 14% отметили: “Состою на диспансерном учете, но не имею инвалидности”, при этом инвалиды третьей группы составляют 3,6% опрошенных, инвалиды второй группы — 1,8%, первой группы — 0,6%. С такой точки зрения парадоксально выглядит утверждение 36,6% респондентов о том, что им “не хватает” здоровья.

ЕЛЕНА СИМОНЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины, Киев

Системные риски неконсистентности образования и занятости

Желаемой ситуацией на рынке труда является соответствие образования и занятости. В реальной же экономической жизни среди занятых всегда существует определенный лаг между уровнем и профилем их образования и характеристиками места работы. Однако в Украине в последние десятилетия среди экспертов и граждан распространенным становится мнение, что этот лаг во многих профессиональных группах стал угрожающе большим. К тому же в одних случаях уровень полученного образования значительно выше уровня необходимой на конкретном месте работы квалификации, а в других, наоборот, образование по уровню и качеству оказывается недостаточным для выполнения трудовых задач. Негативными последствиями первого явления для общества и граждан являются неэффективные затраты значительных финансовых (как государственных, так и семейных) и временных ресурсов на получение образования, не находящего спроса, а также социальная напряженность и субъективная фрустрация из-за проблем трудоустройства по специальности. Второе явление, которое объективируется в дефиците высококвалифицированных кадров (причем в сферах и физического, и нефизического труда), создает системные риски неэффективнос-

ти хозяйственной деятельности в тех профессиональных и отраслевых областях, где оно наиболее распространено.

Эти феномены, именуемые консистентностью / неконсистентностью профессионального образования и занятости, стали фокусом моего исследования. Однако главное внимание уделялось феномену несоответствия из-за его способности генерировать социальные риски. Исследовательскими задачами являются, в частности, изучение причин этого явления; анализ распределения занятых по специальности и не по специальности как среди населения в целом, так и в разных профессиональных и демографических группах. Эти явления рассматриваются в сравнительной плоскости (в отношении населения разного типа стран, в том числе постсоциалистических и развитых западных), а также во временной перспективе (в советское время и в разные периоды после обретения независимости). Эмпирической базой исследования являются данные национальной и международной статистики, социологического мониторинга Института социологии НАН Украины и международных проектов, в частности Программы международного социального исследования (ISSP: 2009 и 2019) и Европейского социального исследования (ESS: 2005–2013).

Контурно представлю первые результаты исследования. Касательно причин явления несоответствия образования и занятости выделено два их типа. К структурным причинам (разнящимся для старших и младших возрастных когорт) относятся кардинальные изменения системы занятости в результате макроэкономических постсоветских трансформаций (деиндустриализации, конверсии, бурного развития сферы торговли и услуг), глобализация, все ускоряющиеся волны технологических инноваций, диджитализация, новые формы организации труда, экспансия высшего образования без учета потребностей рынка труда, возрастная дискриминация и т. п. К субъективным причинам — неудовлетворенность профилем, уровнем и качеством образования, вознаграждением за труд и т. п.

Для оценки распространенности в Украине консистентности и двух видов неконсистентности образования и занятости и социальных характеристик их носителей применялись разные подходы. В частности, в проектах ISSP и ESS эти явления операционализированы на основании сопоставления ответов на два вопроса — (а) о наивысшем полученном респондентами уровне образования и (б) об уровне квалификации, необходимом для выполнения ими трудовых обязанностей на конкретном месте работы. Выделено три категории: лица с консистентным образовательным и трудовым статусом ($a = b$) и лица с неконсистентным статусом, когда уровень образования выше или ниже, чем необходимый уровень квалификации: ($a > b$) или ($a < b$). Далее следует рассматривать: 1) распределение трех соответствующих категорий среди населения Украины в целом и среди представителей профессиональных и классовых групп, в частности учитывая пол, возраст и место проживания; 2) их динамику во времени (2009–2019) и в сопоставлении в Украине, постсоциалистических и западных странах; 3) связь трех категорий с разными показателями социального самочувствия, в частности уровнем удовлетворенности жизнью, работой, социальным и материальным статусом.

В наше время прогнозирование социальных рисков и неопределенности в плоскости связи образования и занятости должно включать еще два важных кейса. Первый — риски, которые создает ситуация пандемии как в отно-

шении качества образования, получаемого студентами в ситуации преимущественно дистанционного обучения, так и в отношении существенного сокращения рабочих мест. Второй кейс — вынужденное изменение занятий переселенцами с оккупированных территорий, что часто результировалось в нисходящей профессиональной мобильности и приводило к негативным социально-психологическим реакциям. Итак, экстраординарные события последних лет порождают риски разного рода разделений и расколов социальных групп.

Социологического изучения требуют и практики, применяемые государством для регулирования связи профессионального образования и занятости, в частности касательно объема подготовки дипломированных специалистов, развития системы непрерывного профессионального обучения и т. п. Следует сравнить соответствующий опыт в экономически успешных западных странах и в Украине (в нынешней ситуации реформирования системы профессионального образования и в советской ситуации с системой государственного планирования и необходимостью отрабатывать определенное время по специальности).

Результаты предложенного исследования могут стать составляющей социологического сопровождения политики реформирования системы профессионального образования в ее связи с рынком труда.

Получено 13.10.2020